

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV

2020

*The periodical of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*

**RELIGION AND SOCIETY
IN THE EAST**

Issue IV
2020

Editor-in-Chief
Aleksei V. Sarabiev

ISSN 2542-1530

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV
2020

ISSN 2542-1530

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Религия и общество на Востоке. Выпуск IV (2020)

ISSN 2542-1530

ISBN 978-5-89282-943-4

DOI 10.31696/2542-1530-2020-4

Издание индексируется в РИНЦ

Интернет-сайт: <http://religion.ivran.ru>

Адрес редакции «Религия и общество на Востоке»:
107031 Москва, ул. Рождественка, 12, каб. 125

Первостепенным принципом отбора материалов является их научность.

Содержащиеся в статьях идеи и выводы могут не отражать мнения редакции
и редколлегии.

Научное периодическое издание
Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Подписано 21.03.2020. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5.

© А.В. Сарабьев, 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

«Религия и общество на Востоке»
Периодическое издание. ISSN 2542–1530

Выходит раз в год

Главный редактор

САРАБЬЕВ Алексей Викторович
к. и. н. (Москва, ИВ РАН)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович
к. и. н., заместитель директора (Москва, ИВ РАН)

ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич
д. и. н., профессор (Москва, ИМЭМО РАН)

ГАВРИЛОВ Сергей Анатольевич
председатель Комитета по развитию гражданского общества,
вопросам общественных и религиозных объединений Госдумы РФ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич
д. полит. н., профессор (Москва, ИВ РАН)

КОБЗЕВ Артем Игоревич
д. филос. н., профессор (Москва, ИВ РАН, МФТИ(ГУ), РГГУ)

НАУМКИН Виталий Вячеславович
академик РАН, д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

ОРЛОВ Владимир Викторович
д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова)

САУТОВ Владимир Нилович
к. и. н., заместитель директора по развитию (Москва, ИВ РАН)
Вице-президент по маркетингу и внешним связям Корпорации "Иркут"

ФОМИН Олег Иванович
к. и. н., президент Фонда «РУССАР» (Москва, ИППО)

ШУВАЛОВ Константин Викторович
Чрезвычайный и Полномочный посол (МИД РФ)

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович
д. и. н., профессор (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВ РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ, или О взаимосвязи религиозной политики и религии

- 10 -

ПОЛИТИКА И ЦЕРКОВЬ

Александр ЯКОВЛЕВ

Кризис в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами в контексте мировой политики XX–XXI веков

- 26 -

Алексей САРАБЬЕВ

Российское влияние на ближневосточные церковные дела: 120 лет тому назад

- 67 -

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
К РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ

Григорий КОСАЧ

«Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества

- 96 -

Игорь СЛЕДЗЕВСКИЙ

Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке

- 127 -

Филип СТЮАРТ

Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии

- 162 -

Нафисе ВА'ЭЗ

**Влияние паломнических поездок на региональную
политику Ирана и его отношения с обновленным Ираком**

- 184 -

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ
В СТРАНАХ ВОСТОКА

Алексей ДРУГОВ

**Мусульманский радикализм и терроризм
в современной Индонезии**

- 230 -

EX PRINCIPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Агентурная записка 1920 года о положении в Турции

(Публикация архивного документа, предисловие
и комментарии *Алексея САРАБЬЕВА*)

- 255 -

ОБ АВТОРАХ

- 284 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

- 300 -

CONTENT

TO READERS, or
On the Relationship of Religious Politics and Religion

- 10 -

POLITICS AND THE CHURCH

Alexander YAKOVLEV

**The Crisis in Relations Between the Constantinople
and Moscow Patriarchates in the Context of World Politics
of the XX – XXI centuries**

- 26 -

Aleksei SARABIEV

**Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs:
120 years ago**

- 67 -

FROM RELIGIOUS CONSCIOUSNESS TO RELIGIOUS POLITICS

Grigory KOSACH

**Russian “Islamic” Diplomacy:
Organization of Islamic Cooperation**

- 96 -

Igor SLEDZEVSKY

**The Struggle for True Faith:
Religious Revolution in Black Africa**

- 127 -

Philip STEWART

**Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society
in Sustainable Democracy**

- 162 -

Nafise VAEZ
**The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and
Its Relations with Renewed Iraq**

- 184 -

RELIGIOUS RADICALISM
IN THE COUNTRIES OF THE EAST

Alexey DRUGOV
Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia

- 230 -

EX PRINCIPIIS / FROM SOURCES

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey
Publication of an archival document, foreword and comments by
Aleksei SARABIEV

- 255 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

религиозный радикализм в странах востока

Алексей ДРУГОВ

МУСУЛЬМАНСКИЙ РАДИКАЛИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-230-254

На материалах индонезийской печати и работ индонезийских авторов, показано, что религиозный радикализм и терроризм как крайняя форма его проявления порождаются по преимуществу социально-экономическими факторами. Главные из них – социальное неравенство и неравномерность развития регионов. Свою роль играют внешние факторы. Мусульманский экстремизм является, в частности, реакцией на угрозу однополярного мира, проистекающую из политики США. Рассматриваются как политические, так и силовые меры, принимаемые нынешним правительством Индонезии для борьбы против радикализма и терроризма.

Ключевые слова: ислам, религиозный радикализм, терроризм, социально-экономические проблемы, социальное неравенство, политическая конкуренция, нетерпимость, демократия.

Индонезия – страна с самым многочисленным мусульманским населением в мире, ислам здесь исповедуют 88% от почти 270-миллионного населения страны. Радикализм в его религиозном исламистском оформлении и терроризм как крайняя форма его проявления в той или иной степени сопровождают индонезийское общество на протяжении почти всего периода независимого развития после 1945 г. До этого ислам в ряде случаев был идеологией противостояния

колониализму, западному превосходству. Мятеежи под лозунгом создания исламского государства продолжались на Яве и некоторых других островах вплоть до середины 1960-х гг.

В период военно-авторитарного режима «нового порядка» (1966–1998 гг.), когда вся политическая активность в стране была жестко ограничена официальной государственной идеологией в толковании правящих армейских кругов, радикальные исламисты утратили все каналы воздействия на умы сограждан в средствах массовой информации и политических институтах кроме мечетей и мусульманских школ. Свою роль в сохранении и усилении влияния радикального ислама во второй половине 60-х гг. сыграл тот факт, что армия активно использовала радикалов в осуществлении репрессий – вплоть до физического уничтожения – членов левых организаций.

Эпоха демократизации, начавшаяся с падением военного режима в 1998 г., характеризовалась, по крайней мере, двумя главными чертами. Первая – у власти в целом осталась та же элита, основные группировки которой исходили из того, что смена режима соответствует их интересам, но должна проводиться в рамках этих интересов. Вторая – в стране сохранилась ситуация сакрализации национальной идеологии «панча сила». Она включает пять принципов: вера в единого Бога-вседержителя; справедливый и цивилизованный гуманизм; единство Индонезии; демократия, направляемая стремлением к единогласию на основе консультаций и представительства; социальная справедливость для всего индонезийского народа. Эти принципы, включенные в преамбулу конституции и потому имеющие обязательный характер для всех граждан, служили, по крайней мере, трем предшествовавшим режимам – либерально-парламентскому до 1957 г., авторитарно-популистскому («направляемая демократия») до 1965 г. и репрессивному «новому порядку» во главе с президентом генералом Сухарто, который начал свое правление с того, что под лозунгом защиты национальной идеологии истребил не менее миллиона сторонников левых организаций.

Трудно было ожидать, что «панча сила» будет искренно восприниматься в массах, хотя ее публичное отрицание до сих пор влечет за собой жесткие меры со стороны власти. И хотя на пятом месте из этих принципов стоит социальная справедливость, естественным был поиск идей социального равенства вне официальных рамок. Поскольку все остальные идеологии в стране фактически запрещены, естественным стало обращение людей к религии. Религиозные круги, в том числе и радикально настроенные, больше всех иных выиграли от демократизации: у них была идея, которую можно предложить низам – общее равенство перед Всевышним¹.

Проблема приобрела новую актуальность в середине 2010-х годов в период первого президентского срока Джоко Видодо, когда обозначилась смычка между радикальным исламом и некоторыми системными оппозиционными партиями. Эта тенденция весьма отчетливо обозначилась в 2016–2017 гг. Под эгидой радикального исламистского Фронта защитников ислама в союзе с Партией Великой Индонезии (индонезийское сокращение – Гериндра), мусульманской Партией национального мандата и Партией справедливости и процветания было организовано массовое движение, добившееся тюремного заключения для кандидата в губернаторы Джакарты Басуки Чахайя Пурнама, этнического китайца и протестанта по вероисповеданию. Претендуя на избрание на следующий срок, он, обращаясь к избирателям, призвал их не позволять одурачивать себя ссылками на суру Корана, запрещающую дружбу с иноверцами. Его обвинили в осквернении религии.

Эта кампания фактически была прологом к деятельности того же блока в ходе президентской и парламентской избирательной кампании 2018–2019 гг., когда соперником Джоко Видодо уже второй раз (после 2014 г.) выступал отставной генерал Прабово Субианто, бывший до 1998 г. командующим войсками Стратегического резерва сухопутных войск. Джоко Видодо одержал победу с перевесом 55,5:44,5%. После этого

¹ Автор посвятил этому важному вопросу ряд статей и монографию [Другов 2014].

потерпевшая поражение коалиция организовала в Джакарте и некоторых других городах массовые насильственные политические акции. С ними удалось справиться, но цепь предшествовавших событий убедила власти в том, что радикальный ислам представляет более серьезную и реальную угрозу стабильности и целостности страны, чем это представлялось ранее, и что не исключены звенья в системной политической структуре, готовые блокироваться с экстремистами, хотя и рискуя стать их заложниками. (Тот факт, что Прабово Субианто без долгих колебаний согласился занять пост министра обороны в новом кабинете Джоко Видодо, которого ранее обвинял во всех смертных грехах, принципиальной роли не сыграл.)

Правительство предпринимает более серьезные, чем ранее, усилия с целью выяснить социальные и политические корни радикализма, конфессиональной и политической нетерпимости и порождаемого ими терроризма. На форуме под лозунгом «Избавиться от равнодушия. Терроризм не призрак, а реальность» в ноябре 2019 г. были обозначены три вида радикализма, бытующие в Индонезии:

- первый, когда всякий, кто придерживается иных взглядов, объявляется безбожником, которому прямая дорога в ад;
- второй – организация массовых акций под соответствующими лозунгами;
- третий – политический радикализм, цель которого превратить индонезийское государство в халифат с соответствующим отказом от национальной идеологии¹.

Тогда же президент Видодо подписал указ о мерах по предотвращению преступлений террористического характера, в котором были, в частности, обозначены четыре категории граждан, подверженных идеям радикальной и террористической направленности:

- лица, имеющие доступ к информации, содержащей соответствующие взгляды;
- лица, связанные с лицами и группировками, придерживающимися соответствующих взглядов;

¹ Gatra.com. (Jakarta), 14.XI.2019.

– лица, которые в силу ограниченности своих конфессиональных взглядов склонны к переходу на позиции радикализма и терроризма;

– лица, которые в силу ущемленности своих экономических позиций, психологической или культурной ограниченности становятся восприимчивыми к подобным идеям.

Противодействовать этим явлениям предлагалось путем личного убеждения, контрпропаганды и идеологического воздействия¹.

Более определенно высказался по этому поводу начальник полиции столичного округа генерал-инспектор полиции Гатот Прабово, который указал три причины усиления нетерпимости, в том числе и религиозной, в индонезийском обществе в последние годы:

– глобализация, размывающая восточные ценности, включая толерантность;

– демократия, при которой в Индонезии доминируют низы, тогда как в идеале определяющая роль должна принадлежать среднему классу. Низы, т. е. те, кто не преуспел в получении образования, в своем экономическом положении и т. п., требуют быстрых, но не всегда рациональных изменений. Этому способствует поликонфессиональный, полиэтнический и поликультурный характер Индонезии. Различия ищут выход и время от времени вырываются наружу;

– развитие социальных средств массовой информации, благодаря которым для распространения радикальных воззрений уже не нужны личные контакты².

Как можно заметить, природа явления здесь обозначена лишь косвенно. В присущей для части индонезийской элиты манере основная вина возлагается на демократию.

Но большинство аналитиков, исследуя причины роста радикализма и терроризма как его крайней формы, указывают, что они имеют сугубо социальные корни – экономическое неравенство, реакции на которое придает религиозная окраска. На это, в частности, указывает заместитель

¹ Detiknews (Jakarta), 24.XI.2019.

² Kompas (Jakarta), 16.XI.2019.

начальника Национального управления по борьбе против терроризма Ирфан Идрис¹. Многие из рядовых радикалов движимы личными житейскими трудностями. Примером могут служить показания одного из индонезийцев, по профессии повара, направлявшегося в Сирию, который сказал, что за участие в боевых действиях ему были обещаны дом, автомашина, четыре жены и хорошее денежное содержание². Другой радикал, побывавший в Сирии, заявил, что в пропаганде ИГИЛ его привлекли обещания обеспечить жильем, дать образование, работу и бесплатное медицинское обслуживание³.

Но было бы упрощением принять эти мотивы за главенствующие. Глава Союза мусульманской интеллигенции Индонезии Джимми Ашиддик в 2016 г. отмечал, что исламский радикализм развивается не только на уровне «корней травы» – среди бедноты, отсталых элементов, но и в среде достаточно образованных людей⁴. По данным аналитического центра Alvara Research Centre в Джакарте радикализм распространяется в образованных слоях общества, в частности, в среде гражданских служащих, из которых 35,3% выступают за введение обязательного исполнения законов шариата, и среди частных предпринимателей – 36,6%⁵.

Государственное разведывательное управление пришло к выводу, что радикальные взгляды больше всего распространены среди лиц в возрасте 17–24 лет – они восприимчивы к идеям, но не всегда способны их критически осмысливать⁶. Исследования, проведенные индонезийским Институтом Setara в 2016 г. в 171 учебном заведении на Западной Яве и в Джакарте, показали, что религиозная нетерпимость, экстремизм растут в среде студенчества и учащихся средних школ⁷. Годом позже Национальное управление по борь-

¹ Suara Merdeka (Jakarta), 16.XI.2019.

² Republika (Jakarta), 20.12.2017.

³ Ibid., 31.05.2019.

⁴ Ibid., 02.09.2016.

⁵ Antara News (Jakarta), 23.10.2017.

⁶ Republika, 10.08.2019.

⁷ The Jakarta Post, 28.08.2017.

бе с терроризмом (НУБТ) и Государственное разведывательное управление провели исследование в 15 из 34 провинций страны, которое показало, что 39% студентов подвержены радикальным идеям, при этом 24% готовы на джихад для создания исламского государства или халифата¹. По данным НУБТ нет ни одного учебного заведения, обладающего полным иммунитетом против идей радикализма и терроризма, чему способствуют критические ситуации и процессы в стране². По данным Министерства внутренних дел даже в детских дошкольных учреждениях обнаруживается проповедь радикальных идей³.

Весьма восприимчивы к радикальным идеям трудовые мигранты, в том числе и женщины. Оказавшись за пределами своей страны, вне привычной сферы обитания и системы ценностей, они легко поддаются воздействию соотечественников – носителей радикальных религиозных идей. Эта восприимчивость усугубляется социальным неравенством, несправедливостью по отношению к ним, которую они постоянно ощущают, и с этим они возвращаются на родину⁴.

В целом, по данным крупнейшей мусульманской организации страны Союз мусульманских богословов (Нахдатул Улама), около 23% населения отвергают государственную идеологию, 9% согласны с применением силы для утверждения в стране халифата и хотели бы распространения на Индонезию «арабской весны». Среди них находятся и государственные служащие, и служащие государственных компаний, и рядовые граждане, и учащиеся, в том числе студенты крупнейших университетов⁵. Руководство Нахдатул Улама организовало семинар, где обсуждался вопрос о связи между радикализмом и экономическим неравенством. Указывалось, в частности, что в Индонезии состояние четы-

¹ Gatra.com, 13.IX.2019.

² Republika, 31.05.2019.

³ Suara Merdeka, 26.04.2018.

⁴ Tempo (Jakarta), 1.XI.2019.

⁵ Suara Pembaruan (Jakarta), 14.VI.2019.

рех богатейших семей превосходит состояние беднейших 100 миллионов граждан¹.

Как показано выше, радикальные идеи распространяются в слоях, которые далеко не всегда можно отнести к самым обездоленным, и в высокой степени приятие этих идей присуще людям, способным ощущать и анализировать социальное расслоение или имеющим возможность для сравнения, как в случае с зарубежными диаспорами.

У индонезийского правительства чрезвычайную озабоченность вызывает распространение радикального инакомыслия в сфере государственных служащих, чиновничества в целом. В предстоящие пять лет, начиная с 2019 г., планируется ужесточить процедуру отбора кандидатов на должности в высоких эшелонах министерств финансов, обороны, здравоохранения, образования, по делам религий, общественных работ, а также в государственных компаниях Пертамина (нефтедобыча), авиационной Гаруда, в горнодобывающих компаниях и государственных СМИ².

Шаг в этом направлении был сделан 12 ноября 2019 г. Пять министров правительства (внутренних дел, повышения эффективности госаппарата и реформы бюрократии, юстиции и прав человека, по делам религий, образования и культуры), а также шесть глав ведомств, в том числе Государственного разведывательного управления, УПБТ, Комитета по внедрению государственной идеологии, Комиссии по делам госслужащих и др. приняли решение, имевшее целью борьбу против «ненавистнических высказываний» государственных служащих. Среди десяти пунктов этого документа содержалось запрещение негативных высказываний в адрес государственной идеологии, конституции страны, государственного девиза «Единство в многообразии», унитарного государства Республика Индонезия, а также правительства. Запрещаются в любой форме враждебные выпады на этнической, религиозной, расовой или социальной почве, а также распространение необоснованной или безответственной информа-

¹ Antara News, 04.X.2017.

² The Straits Times (Singapore), 21.06.2019.

ции. Чиновники не вправе участвовать или присутствовать на мероприятиях, имеющих целью подстрекательство против идеологии, конституции и правительства и их очернение, а также ставить “like” или “dislike” у соответствующих сообщений в социальных сетях, пользоваться соответствующими атрибутами и осквернять государственную символику – прямо или через соцсети. Создан специальный портал, на который следует подавать сообщения о таких нарушениях¹. Министр по делам религий, генерал в отставке Фахрул Рази заявил, что в министерствах и других государственных учреждениях создаются специальные подразделения для исполнения указанного решения².

Документ вызвал неоднозначную реакцию в обществе. По оценке представителя Национальной комиссии по правам человека Мимин Хартоно, он содержит ряд прямых нарушений законов, обеспечивающих свободу слова, и составлен в обход установленной процедуры³.

Практически одновременно был установлен строгий порядок отбора кандидатов на занятие должностей в государственном аппарате, причем к этому отбору были привлечены органы полиции. Кандидат должен получать от них справку об отсутствии в его биографии поступков, свидетельствующих о неприятии государственной идеологии. Анализу в этом плане подлежат все возможные выступления данного лица в соцсетях⁴.

Газета «Джакарта пост», комментируя «Постановление 11 министров», указывала, что его положения подвержены широкому спектру толкования и чреваты злоупотреблениями. «Дьявол, как всегда, кроется в деталях. Каким образом власти будут определять являются ли радикальными взгляды того или иного человека? Становится ли чиновник радикалом, если он критикует правительство? Надо ли считать радикалом всякого мусульманина, который считает халифат

¹ Kompas, 25.XI.2019.

² Detiknews, 21.XI.2019.

³ Tempo (Jakarta), 02.12.2019.

⁴ Suara Merdeka, 13.XI.2019.

законным устройством государства?»¹ Газета напоминала, что в 1965–1966 г. было создано пугало в лице коммунизма, что сопровождалось убийствами и породило взаимную подозрительность. Статья была озаглавлена «От красной угрозы к зеленой. Как радикализм становится новым политическим пугалом в Индонезии».

Можно сказать с полным основанием, что жесточайшие репрессии против левых сил во второй половине 60-х годов были полным произволом и коммунисты не были виновны в тех преступлениях, которые им приписывались. Но нельзя закрывать глаза и на реальную опасность нынешней ситуации – исламистская угроза действительно может быть использована консервативными кругами, в том числе в силовых ведомствах и теми же исламистами, для торможения или отката демократического процесса, начавшегося в 1998 г.

В этой связи показательны критерии радикализма, заметив проявления которого, граждане могут посылать сообщения на соответствующий портал. Таких критериев установлено пять: нетерпимость, враждебность системе, неприятие государственной идеологии, неприятие унитарного государства, действия, ведущие к национальной дезинтеграции². Здесь вновь просматривается возможность произвольного толкования этих критериев, что создает почву для злоупотреблений со стороны тех представителей и группировок политической элиты, которые почти не скрывают мнение, что демократические реформы (они более охотно называют их либеральными) зашли слишком далеко. Таким образом, существующая угроза радикального исламизма породила параллельную угрозу консерватизма.

Сложность проблемы усугубляется тем, что рассадниками радикального исламизма во многих случаях являются мечети. По данным Государственного разведывательного управления из ста мечетей, действующих при правительственных ведомствах или вблизи от них в Джакарте, в 41 имамы проповедуют экстремистские взгляды среди

¹ The Jakarta Post, 28.11.2019.

² Suara Merdeka, 13.XI.2019.

госслужащих. Семнадцать клириков высказывались за создание исламского государства, за поддержку джихадистских групп в Сирии и на Филиппинах. Некоторые из них призывали к насилию в интересах ИГИЛ¹.

Однако спикер Народного консультативного конгресса (до 2019 г.) Зулкифли Хасан протестовал против того, что мечети объявлялись рассадниками радикализма и нетерпимости. Речь, по его мнению, должна идти об отдельных личностях, виновных в этих нарушениях, их нужно арестовать и судить, но не осуждать мечеть². Как представляется, Зулкифли Хасан, лидер мусульманской Партии национального мандата, несколько упростил проблему, так же, как и его заместитель Хидайят Нур Вахид, который призвал спецслужбы не возбуждать напряженность в обществе обнародованием подобной информации и вообще не обсуждать эти проблемы публично, а докладывать их президенту³.

Роль мечетей и медресе в распространении радикального ислама умалять не приходится, другое дело, что девиантные явления не должны распространяться на всю общину и религию в целом, Следует согласиться с видным мусульманским деятелем Ахмадом Суркати, который на встрече с министром-координатором Махфудом подчеркнул, что радикализм присущ не только одной какой-то группировке, но порождается чувством безнадежности, возникшим вследствие определенных социально-политических условий, и может зародиться у кого угодно. Для борьбы с ним следует повышать благосостояние населения⁴.

Террористическая угроза в Индонезии четко обозначилась практически сразу же после падения «нового порядка», в конце 1998 – начале 1999 г. Генерал Аншаад Мбаи, долгое время возглавлявший антитеррористическую службу страны, отвечая на вопрос, откуда берутся террористы, сказал: «Исходя из моего опыта, здесь нет какого-то единствен-

¹ Antara News, 25.XI.2018; The Jakarta Post, 19.XI.2018.

² Antara News, 17.06.2018.

³ Ibid., 21.XI.2018.

⁴ Republika, 22.XI.2019.

ного фактора. Имеет место корреляция многих факторов, которые порождают в людях ощущение несправедливости. После того, как это всепоглощающее чувство воздействует в течение некоторого времени, в дело вступает радикальная доктрина в соединении с религиозной. Это становится спусковым крючком, запускающим процесс радикализации. А после этого очень легко воздействовать на людей: они приходят к убеждению, что в этом (т.е., участии в терактах) состоит их религиозный долг, и они готовы умереть во имя этого долга... Когда же против них применяется сила, чтобы остановить их, они становятся еще более воинственными и стремятся к отмщению»¹. По его данным, не менее 20% арестованных террористов после отбытия наказания возвращаются к прежней деятельности.

Взрывы со значительным числом жертв происходили в торговых центрах, христианских храмах и больницах, в отелях. Так, 12 октября 2002 г. прогремели взрывы в двух увеселительных заведениях на о. Бали (погибли более 200 человек, главным образом иностранные туристы), а также у консульств США и Филиппин на Бали (здесь обошлось без жертв). Затем последовали взрывы у отелей Мариотт (2003, 2009) и Риц-Карлтон (2009) в Джакарте, у посольства Австралии (2004) и снова на острове Бали (2005). Практически за всеми этими взрывами стояла организация Джамаа Исламия, связанная с Аль-Каидой. Ее цель заключалась в создании исламского государства, в которое наряду с Индонезией вошли бы Малайзия, мусульманские районы Филиппин, Таиланда и Мьянмы, а также Сингапур.

Вместе с тем, аналитики указывают, что за активизацией радикалов и подъемом терроризма на старте демократических реформ могли стоять реваншисты из числа наиболее консервативных военачальников. Они использовали радикальных исламистов для дестабилизации обстановки и дискредитации реформ. Так, Вимор Витулар, бывший представитель президента Абдуррахмана Вахида по связям с печатью, утверждал, что взрывы на Бали в 2002 г. были организованы

¹ The Straits Times, 09.10.2010.

«твердолобыми» военными, чтобы создать предлог для возвращения армии к власти. Они же и с теми же целями способствовали активизации исламских экстремистов в восточных районах Индонезии с преимущественно христианских населением¹.

Хорошо осведомленный обозреватель гонконгского еженедельника «Фар истерн экономик ревью» Джон Макбет писал в связи с «рождественскими» взрывами в Джакарте в декабре 2000 г.: «Полиция возлагает вину за эти взрывы и подобные инциденты в течение последних двух лет на влиятельные остатки прежнего режима, которые, как утверждают, создали широкую преступную сеть, состоящую из военных, находящихся как на действительной службе, так и в отставке, мусульманских экстремистов и закоренелых криминальных элементов. Их мотивы – прекратить расследование преступлений сухартовской эпохи и добиться создания правительства, более отвечающего их финансовым и политическим интересам»². Отметим, что это происходило в президентство А. Вахида, который осуществлял серьезные реформы по ограничению политической роли армии, преодолению наследия прежнего режима. Продолжали оказывать воздействие и социальные факторы, подпитывавшие терроризм, чем пользовалась военная оппозиция.

В 2003 г. был принят закон о борьбе против терроризма. Учитывая как внутренние события, так и международное развитие, этот закон был необходим сам по себе, однако вызвал критику правозащитников, в частности, потому что был наделен обратным действием (вопреки п. 1 ст. 28-1 Конституции). Критики закона утверждали, что он возвращает страну к эпохе «нового порядка» и является шагом назад в законодательстве [Isra 2006, 97]. Несомненно, что принятие этого закона было объективно обосновано, но реакция на него отражала естественную подозрительность в умах демократически настроенной общественности, пережившей 32-лет-

¹ Asia Times, 07.XI.2002.

² Far Eastern Economic Review (Hk), 1.II.2001. P. 24.

нее интеллектуальное и правовое иго военного режима. Этот фактор сохраняет долгосрочное значение.

К 2015–2016 гг. «террористическое лидерство» в Индонезии перешло к ИГИЛ. Именно оно дало команду и финансировало проведение теракта на центральной магистрали Джакарты 14 января 2016 г. Жертвами стали восемь человек – трое прохожих и пять террористов, но вероятнее всего, что сверхзадачей террористов было не число жертв, а демонстрационный эффект: показать всесилие экстремистов и беспомощность властей. Еще до взрыва генеральный прокурор Австралии Джордж Брандис сообщал министру-координатору Панджитану, что ИГИЛ намерено создать в Индонезии «отдаленный халифат», действуя прямо или через подставные организации¹.

К этому времени в 2015 г. были созданы экстремистские организации «Борцы за исламское государство» («Джамаа Акшарул Дауля») и «Борцы за единобожие» («Джамаа Ансарул Таухид»). Лидер первого из них, Аман Абдурахман заявил, что все сотрудники спецслужб «идолопоклонческого государства» должны рассматриваться как неверные, их собственность должна быть изъята, а кровь пролита. После того, как Аль-Багдади провозгласил создание «исламского государства» в Мосуле, Амин издал фетву с призывом к своим последователям отправиться в Ирак, в которой говорилось, что те, кто не может это сделать, должны вести джихад по месту проживания, а те, кто неспособен или боится вести войну, должны были отдать свое состояние тем, кто к этому готов².

Полиция утверждала, что именно две упомянутые организации стояли за взрывами в трех христианских церквях в Сурабае 13 мая 2018 г., когда погибли 16 и ранены 41 человек³. Начальник полиции Тито Карнавиан сообщил, что один из терактов совершили супруги-самоубийцы вместе с четырьмя детьми, в том числе двумя малолетними

¹ The Straits Times, 23.XII.2016.

² The Jakarta Post, 14.V.2018. Подробнее см.: [Рогожина 2018].

³ Republika, 13.V.2018.

(12 и 9 лет)¹. Почти в тот же день террористы напали на штаб мобильной бригады полиции в районе близ Джакарты и убили шестерых полицейских. ИГИЛ взяло на себя ответственность за теракты².

За последовавшими нападениями на штабы полиции в городах Паканбару на Суматре и в Риау 16 мая 2018 г., по данным спецслужб, стояла организация «Борцы за исламское государство»³. 13 ноября 2019 г. террорист-самоубийца произвел взрыв в штабе полиции в г. Медан на Северной Суматре. Были ранены четыре офицера полиции и двое гражданских⁴. Список можно продолжать. Наиболее известным и последних терактов стало покушение в начале октября 2019 г. на министра-координатора отставного генерала Виранто, обладавшего неоднозначной репутацией по части нарушений основных прав человека до 1998 г. Пресса сообщила, что общественность прореагировала на это покушение не без некоторого злорадства⁵. Примечательно, что в стране распространялись слухи, что силовые структуры инсценируют террористические акты в своих политических интересах. Эти слухи были столь настойчивыми, что глава антитеррористического ведомства Сухарди Амус вынужден был выступить с их опровержением⁶.

Правительство Индонезии увязывает рост террористической угрозы с активностью ИГИЛ. Еще в 2017 г. главком вооруженных сил Гатот Нурмантьо сообщил, что «дремлющие ячейки» ИГИЛ есть во всех провинциях страны кроме Папуа. Годом раньше он говорил только о 16 районах⁷. Данные о численности сторонников ИГИЛ в Индонезии не всегда совпадают между собой, но в целом свидетельствуют о ее росте. По данным полиции на октябрь 2016 г., 1200 таких находились в стране и около 400 выехали в Сирию, при-

¹ Suara Merdeka, 15.V.2918.

² Jakarta Post, 14.V.2918.

³ Suara Merdeka, 17.V.2018.

⁴ Antara News, 18.XI.2019.

⁵ Kompas, 11.X.2019.

⁶ Antara News, 22.IX.2018.

⁷ The Straits Times, 14.VI.2017; Republika, 16.VI.2016.

чем в Интернете велась массированная пропаганда этой организации¹. В 2018 г., по словам министра обороны Р. Рьякуду, сославшегося на данные разведки, из 31,5 тыс. иностранцев, воевавших на стороне ИГИЛ в Сирии и Ираке, около 1 тыс. были выходцами из стран Юго-Восточной Азии, в том числе 888 – из Индонезии. Он сообщил, что под руководством Аль-Багдади была создана организация, в которую вошли движения, носящие название «Исламское государство Филиппин», «Исламское государство Малайзии» и «Исламское государство Индонезии»².

Как представляется, исходящая от ИГИЛ угроза заключается, в частности, в том, что оно воспитывает фанатиков, готовых на все, включая самопожертвование, для достижения своих идеалов. Экстремизм (всякий) предполагает деформированную в сравнении с общепринятой систему ценностей, которая гласит «цель оправдывает средства». Арестованный по делу о взрыве на Бали террорист Имам Самудра показал, что, нуждаясь в средствах для подготовки терактов, они ограбили ювелирный магазин, добыв золотые изделия общим весом в 6 килограммов. Он отказался признать себя виновным в грабеже, сказав, что в соответствии с его философией этот способ добывания средств был вполне законным³. Тот же принцип действует и в отношении человеческих жизней, которые могут быть принесены в жертву для достижения высших целей. Сообщалось, что террористы начали вербовку детей, начиная с десятилетнего возраста. Их отправляют на воспитание в Сирию, Ирак и Ливию с тем, чтобы по возвращении на родину использовать для формирования террористических сетей⁴.

Уязвимым местом ИГИЛ является противоречие между его идеями и индонезийским национализмом. Внешнее управление акциями сторонников ИГИЛ в принципе должно противопоставлять его общественному сознанию: для большин-

¹ The Straits Times, 17.X.2016.

² Antara News, 08.II.2018.

³ Image (Jakarta), No. 12, Dec. 2002. P. 37.

⁴ Suara Pembaruan, 14.X.2016.

ства индонезийцев независимость и целостность государства суть высшие ценности. Скорее всего, именно поэтому ИГИЛ ставит на данном этапе вопрос не о растворении Индонезии во всемирном халифате, а о создании исламского государства Индонезия.

Вместе с тем, есть основания говорить, что радикализм, перерастающий в терроризм, питается и за счет внешних факторов. Существенную роль здесь играют явные и латентные антизападные, прежде всего, антиамериканские настроения. Мусульманская (вполне системная) газета «Республика» писала 2 ноября 2019 г.: «Соединенные Штаты напали на Ирак и свергли режим Саддама Хусейна. Непрерывное насилие порождает новое насилие. Вольно или невольно США возвращают ненависть, безудержно нарастающую в условиях конфликтов. Семена этой ненависти подобно вирусу преодолевают государственные границы от Европы до Юго-Восточной Азии, включая Индонезию. Ирак, Сирия и Афганистан стали университетами для экстремистов, которые воочию видят насилие и несправедливость по отношению к миру ислама»¹.

В связи с 15-й годовщиной событий 9 ноября 2001 г. в США газета «Джакарта пост» писала: «Индонезийцы были едины в осуждении терроризма, но расходились в мнениях о том, кого считать террористами. Точка зрения, что самые большие террористы – это США и Израиль, популярна во многих странах, включая Индонезию»². Вице-президент Ю. Калла, заявил: «Терроризм и радикализм приходят из несостоявшихся государств, поскольку люди там утратили надежду и легко готовы пойти на все, когда им обещают рай. Эти государства стали таковыми в результате вторжения США в Ирак, Сирию, Ливан и Афганистан»³.

Упомянувшийся выше бывший глава антитеррористического ведомства Аншаад Мбаи напоминает, что Аль-Каида, которую аналитики обозначают как движение политического ислама, была использована, а, вернее, оседлана Запа-

¹ Republika, 2.II.2019.

² The Jakarta Post, 14.IX.2016.

³ Antara News, 26.XI.2019.

дом, прежде всего США, после окончания холодной войны в глобальной политической борьбе за овладение природными богатствами, главным образом нефтью, и за достижение военно-стратегического превосходства в интересах Запада. Нередко политический ислам вовлекают в заговор с целью свержения правительств мусульманских стран, которые, как считают, угрожают интересам Запада, или, по крайней мере, с целью изменить их политику в интересах Запада» [Mbai 2014, 208]. В Индонезии, по всей вероятности, присутствуют опасения, что в определенной ситуации против нее могут быть применены те же методы, какие были использованы на Ближнем Востоке, когда Вашингтон сочтет политику Джакарты слишком самостоятельной.

Антиамериканские настроения в очередной раз вырвались наружу в связи с признанием Вашингтоном переноса столицы Израиля в Иерусалим. Они были беспрецедентными по эмоциональному настрою и широте охвата, вплоть до лидеров страны. В известном смысле есть основания говорить о том, что в Индонезии, как и в некоторых других странах мира, исламский экстремизм, перерастающий в терроризм, есть, в частности, некое тупиковое, но неизбежное порождение реакции мусульман на угрозу однополярного мира, злокачественное ответвление позитивного национализма.

Наращение террористической угрозы в последние годы потребовало упрочения законодательной базы для борьбы с ней. Вокруг этой проблемы возникла и продолжается полемика, отражающая противоречия в индонезийском обществе. Военная элита предлагает квалифицировать терроризм не как обычное уголовное преступление, а как акт агрессии против индонезийского государства. Сторонники этой формулировки ссылаются на то, что, формируя свои военизированные организации, террористы создают угрозу территориальной целостности государства¹. В случае законодательного оформления этого принципа армия получает автономность в своих действиях, тогда как по существующему закону, к антитеррористическим операциям внутри стра-

¹ The Jakarta Post, 16.VI.2016.

ны армия может привлекаться лишь по усмотрению и под главенством полиции. Правозащитники выступали против этих изменений, не скрывая опасений, что они открывают возможность для усиления политической автономии армии в системе государства, приведут к откату в процессе демократического развития. Высказывались также опасения, что расширение прерогатив силовых структур может нанести ущерб правам человека¹.

Новый закон о мерах по борьбе против терроризма был принят парламентом 25 мая 2018 г., и он существенно расширил прерогативы силовых ведомств в этой области. В законе было дано определение терроризма, в которое вошли пять элементов – применение силы, широкие масштабы акта, человеческие жертвы, разрушение стратегических, жизненно важных объектов, наличие идеологических и политических мотивов, а также создание угрозы безопасности государства. Последний элемент – угроза безопасности – и создал юридическое обоснование для привлечения к антитеррористической деятельности вооруженных сил. В закон включены положения, предусматривающие защиту интересов и компенсацию для жертв террора. Установлено наказание – от 12 до 20 лет тюремного заключения и вплоть до смертной казни – для лиц, которые проходят военную подготовку для совершения терактов или участвуют в военных действиях террористического характера за пределами Индонезии.

Генерал Виранто признал, что в обществе присутствуют опасения в связи с ролью армии в борьбе против терроризма. Он утверждал, что «общественность не должна опасаться возвращения прошлого, когда армия оказалась бы над обществом и сформировалась бы военная хунта» и гарантировал, что этого не произойдет². Однако многие действия и высказывания высокопоставленных военных свидетельствуют о том, что идея политической автономии, если не доминирования, жива в их сознании.

¹ Ibid., 11.III.2015.

² Suara Merdeka, 15.V.2018.

Глава антитеррористического ведомства Сухарди Алиус и новый главком вооруженных сил, маршал авиации Хади Чахьянто 29 октября 2018 г. подписали меморандум о намерениях по взаимодействию в борьбе против терроризма, хотя на практике это взаимодействие уже осуществляется в виде обмена информацией, повышения квалификации, взаимного использования кадров и инфраструктуры¹. С. Алиус отмечал важную роль армейского спецназа в усилиях по предотвращению распространения в обществе идей радикализма и терроризма. Представитель этих войск занимает пост первого заместителя главы антитеррористического ведомства, ведая вопросами предотвращения указанных явлений и дерадикализации. От войск специального назначения поступает информация о ситуации на местах².

В правительстве, сформированном президентом Джоко Видодо в октябре 2019 г., министром-координатором по вопросам политики, права и безопасности был назначен Махмуд, первое гражданское лицо на этом посту в истории страны. Ему, бывшему министру обороны (2000–2001) и председателю Конституционного суда (2008–2013), президент поручил координировать меры по борьбе против радикализма и терроризма, осуществляемые соответствующими ведомствами. Как он вскоре сообщил, общее число террористических актов в 2019 г. сократилось. Но есть исторажающие изменения: если раньше исполнителями были вполне взрослые мужчины, то в последнее время в них участвуют женщины. Одна из них подорвала себя вместе с ребенком, когда ее окружила полиция. Женщина участвовала в покушении на генерала Виранто, женщины, в том числе с детьми, участвовали и в других терактах³.

Вместе с тем, сообщалось, что важная роль в решении проблем борьбы против терроризма и радикализма возлагается на вице-президента Маруфа Амина. Как указал новый министр внутренних дел Гито Карнавиан, М. Амин, буду-

¹ Antara News, 29.X.2018.

² Ibid., 5.III.2019.

³ Detiknews, 26.XI.2019.

чи мусульманским деятелем, наиболее подходит для этой задачи, поскольку «борьба против терроризма требует глубокого понимания проблемы, а наш вице-президент – известный улем». М. Амин в свою очередь заявил, что эту борьбу следует начинать на уровне низовых соседских общин, поскольку здесь администрация стоит ближе всего к жителям и знает их настроения¹. С его мнением перекликается точка зрения, высказанная еще в 2017 г. министром внутренних дел Чахьо Кумоло, который выступал за максимальное использование унаследованной от прежнего режима системы контроля за жизнью в деревнях с привлечением к этому контролю всех жителей, обязав их сообщать властям о всех подозрительных лицах и событиях, могущих стать почвой для проявлений радикализма и терроризма. Привлекать к этому наряду с полицейскими следует общественных и религиозных деятелей, сельских старост и сержантов-наставников – институт, созданный в период «нового порядка» для контроля армии за всеми сторонами жизни в сельской местности². Проблема, однако, заключается в том, что по самым последним данным радикальные даже террористические взгляды проникают уже не только в ряды полиции, но даже армии (по данным министерства обороны, этими идеями заражены до 3% личного состава)³.

Были проведены опросы в провинциях, которые, по данным исследований, отличаются наиболее высоким уровне религиозной нетерпимости – Аче, Северная Суматра, Особый округ Джакарты, Западная Ява, Центральная Ява, Джокьякарта, Восточная Ява и Южный Сулавеси. О согласии с тем, что государство должно принимать меры против организаций, прибегающих к насилию, заявили 67% респондентов⁴. Но показательно, что треть опрошенных высказались против жестких мер по отношению к экстремистам. Среди перечисленных регионов оказались наиболее развитые районы

¹ Ibid., 15.XI.2019.

² Antara News, 6.XI.2019.

³ Suara Merdeka, 10.VIII.2019; Ibid., 17.X.2019.

⁴ Ibid., 4.XII.2019.

страны, в том числе все провинции Явы. Это может означать, что радикализм или сочувствие к его идеям и их носителям порождаются социальными противоречиями, которые наиболее выпукло проявляются в экономически развитых областях страны.

В то же время примечательна статья «Исламский радикализм или недовольство регионов», опубликованная в газете «Республика» 30 апреля 2019 г. В ней указывалось, что на президентских выборах 2019 г. тандем Прабово Субианто – Сандиаго Уно, который поддерживали радикальные исламские организации, получил существенное большинство голосов в Аче (более 80%), на Западной Суматре, Западной Яве, Южном Сулавеси и Южном Калимантане – в среднем около 60%. Автор статьи указывал, что эти регионы издавна отличались оппозиционностью по отношению к Яве, а Западная Ява была в свое время центром повстанческого движения «Исламская армия Индонезии».

В выступлениях наиболее влиятельных деятелей нынешнего правительства просматривается понимание того, что борьба против терроризма и радикализма должна быть многоплановой. С одной стороны, в 2017 г. правительство распустило организацию «Хизбут Тахрир Индонезия», которая в числе своих целей ставила создание всемирного исламского халифата. Это противоречило конституции страны, в соответствии с которой форма государственного устройства не подлежит изменениям. В подвешенном состоянии к концу января 2020 г. оставался вопрос о положении наиболее радикального Фронта защитников ислама, которому власти не продлевали статус общественной организации. С другой стороны, еще в 2016 г., выступая на саммите АСЕАН – США, президент Джоко Видодо указал на необходимость действовать по трем направлениям – насаждать толерантность, принимать меры, направленные непосредственно против радикализма и терроризма, устранять коренные причины, их порождающие, сочетая жесткий подход с гибким. В другом случае он высказывался за то, чтобы отказаться от термина «радикализм», заменив его на «манипулирование

религией»¹. Новый термин позволил бы избежать противопоставления мер правительства исламу как таковому. Антитеррористическое ведомство совместно с министерством социального обеспечения оказывает помощь в трудоустройстве лиц, отбывших наказания за терроризм, проводится соответствующая работа с населением, которое не всегда готово их принять². Раскаявшиеся террористы привлекаются к работе по перевоспитанию заключенных.

Вице-президент М. Амин, выступая перед выпускниками Исламского университета 14 декабря 2019 г., подчеркивал, что бедность и неравенство остаются главными национальными проблемами, и они могут быть преодолены усилиями мусульманской уммы. Он полагает, что главную роль здесь должно сыграть развитие шариатской экономики и шариатской финансовой системы. По его словам, правительство поддерживает эту идею³.

Обстановка требует усиления внимания к политическим методам, поскольку, как отмечают аналитики, в последнее время отмечается дальнейшая активизация работы исламистов среди молодежи. ИГИЛ, рекрутирует молодых людей, апеллируя к их идеализму, предлагая участие в борьбе против социального и экономического неравенства, против глобализации, которая обездоливает бедных, против неспособности правящих кругов обеспечить благосостояние населения, против дискриминации по отношению к определенным группам населения. Есть у молодежи и другие мотивы: желание прославиться, стремление к известности⁴.

Из изложенного следует главный вывод, что путь к преодолению исламского радикализма и терроризма лежит прежде всего через преодоление порождающих их причин. Правительство Джоко Видодо принимает определенные меры в этом направлении, тем более что в Индонезии неравномерности социального и экономического развития часто

¹ Ibid., 17.II.2016; Tempo, 31.X.2019.

² Suara Merdeka, 18.IX.2017.

³ Republika, 14.XII.2019.

⁴ Detiknews, 27.XI.2019.

порождаются географическими различиями, совпадающие с различиями конфессиональными. На первый план сейчас выдвинуто развитие инфраструктуры, что призвано обеспечить прогресс отдаленных регионов в стране, состоящей из 17 тысяч островов. Одновременно разработан ряд программ, призванных поднять уровень образования, материального обеспечения и здравоохранения наиболее бедных групп населения. Но даже при самых благоприятных условиях эти меры не дадут немедленного эффекта и тем более не могут немедленно привести к принципиальным изменениям в политическом и социально-религиозном мышлении людей. Неизменные призывы чиновников всех уровней бороться с радикализмом и терроризмом путем активного внедрения государственной идеологии недостаточно эффективны по причинам, о которых говорилось выше – она обременена наследием предыдущих режимов и при своем монопольном доминировании, при отсутствии состязательности не идет в ногу со временем, с изменениями в индонезийском обществе.

Примечательно, что власти избегают связывать с терроризмом собственно исламскую религию. Например, неоднократно цитировавшийся выше бывший начальник Управления борьбы против терроризма Аншаад Мбаи в своей книге «Новая динамика терроризма в Индонезии» [Mbai 2014, 208], не отрицая неизбежности применения силовых методов в борьбе с этим злом, уделяет весьма значительное внимание необходимости освобождения мусульманской религии от ее восприятия как источника идей террора и насилия, отводя при этом значительную роль духовенству. Конечно, эти меры не заменят модернизации общества и социальных отношений. Но в работе по очищению от скверны терроризма ислама как органической части мировой цивилизации такой подход представляется насущно необходимым, И в этом задача не только мусульманских стран: скверна радикализма есть наследие колониализма, которому мусульмане подвергались на протяжении столетий. Сама Индонезия, когда во главе государства находился президент-реформатор, видный

мусульманский деятель Абдуррахман Вахид (1999–2001). показала пример того, что ислам и демократические реформы, модернизация не противостоят друг другу.

ЛИТЕРАТУРА

Другов А.Ю. Религия, общество и власть в современной Индонезии / Ин-т востоковедения РАН. М.: Институт стран Востока, 2014. 326 с.

Рогожина Н.Г. Новые тенденции в развитии джихадистского движения в Юго-Восточной Азии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018, № 1(38). С. 89–95. URL: [https://sea.ivran.ru/f/SEA2018n1\(38\)p89-96.pdf](https://sea.ivran.ru/f/SEA2018n1(38)p89-96.pdf).

Isra, Sadli. *Dinamika Ketatanegaraan Masa Transisi 2002–2005* (Динамика государственного устройства в переходный период, 2002–2005). Padang: Andalas University Press, 2006. 258 p.

Mbai, Ansyad. *Dinamika Baru Jejaring Teror di Indonesia*. Jakarta, 2014. 246 p.

REFERENCES

Drugov, Aleksey Yu. (2014), *Religion, Society and Power in Modern Indonesia*. Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; Institute of Eastern Countries. Moscow. (In Russian)

Rogozhina, Natalia (2018), New tendencies in the development of jihadist movement in South East Asia. *South East Asia: Actual Problems of Development*, Issue 1(38), pp. 89–95. (In Russian)

Isra, Sadli. (2006) *Dinamika Ketatanegaraan Masa Transisi 2002–2005* (The dynamics of the state system in transition). Padang, Andalas University Press. (In Malayan)

Mbai, Ansyad. (2014) *Dinamika Baru Jejaring Teror di Indonesia* (New Terror System Dynamics in Indonesia). Jakarta. (In Malayan)

ОБ АВТОРАХ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич – д.п.н., главный научный сотрудник ИВ РАН. Окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР в 1960 г. В Индонезии работал военным переводчиком в центре подготовки индонезийских подводников (1961–1962) и в Советской военной миссии (1962–1964). По возвращении в Москву преподавал в Военном институте иностранных языков (1964–1965); с 1966 по 1991 г. работал в Международном отделе ЦК КПСС (от младшего референта до заместителя заведующего сектором), а с 1991 г. – в ИВ РАН. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории «Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 гг.», в 1999 г. – докторскую диссертацию по политологии «Политическая культура и политический процесс в независимой Индонезии (1945–1998)». Автор около двух сотен научных работ, в том числе 7 монографий.
E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

КОСАЧ Григорий Григорьевич – д.и.н., профессор Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется на изучении политических процессов в арабском мире, российской политики на Ближнем Востоке, общественно-политическом развитии Саудовской Аравии. Автор более 150 научных трудов, включая монографии: «Красный флаг над Ближним Востоком?» (2001); «Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920–1930-е годы» (2009); «Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения» (М.: ИИБВ, 2003; в соавт. с Е.С. Мелкумян); «Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг.» (2013); «Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2015 гг.» (2016).
E-mail: g.kosach@mail.ru

САРАБЬЕВ Алексей Викторович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Окончил Естественно-географический факультет ЯГПУ (1996) и Историко-филологический факультет ПСТБИ (2003). По окончании аспирантуры ИВ РАН защитил в 2008 г.

кандидатскую диссертацию по истории, в 2017 г. окончил докторантуру ИВ РАН с темой «Межконфессиональные отношения на Ближнем Востоке на примере Сирии и Ливана». Член РГО, входит в состав Совета Московского отделения ИППО. Эксперт Дискуссионного клуба «Валдай». Автор научных статей по истории и социально-политическим вопросам Ливана и Сирии, глав в коллективных монографиях. Руководитель межотдельской научной лаборатории ИВ РАН «Религия и общество на Востоке» и главный редактор одноименного периодического издания. Автор книг: «Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (2012); «Марониты: традиции, история, политика» (2013; в соавторстве с М.А. Родионовым. В 2019 г. издана в Ливане на англ. яз.); «Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра?» (2017).
E-mail: alsaraby@ivran.ru

СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич – д.и.н., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. В 1963 г. окончил Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Современные хауса Северной Нигерии» в Институте Африки АН СССР, а в 1990 г. – докторскую диссертацию «Социоисторические структуры Западной Африки. Проблемы взаимоотношений местных социальных организмов и исторической среды» в Институте востоковедения АН СССР. С 1967 г. работает в Институте Африки, специализируется по социальной истории Африки, этносоциологии и теории цивилизаций. Сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.
E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

СТЮАРТ Филип – PhD, старший научный сотрудник Фонда Кеттеринга (США), секретарь правления Института устойчивого диалога и почетный профессор Университета штата Огайо. С 2012 г. – советник директора израильского Форума гражданского согласия. Исполнительный директор

(с 1972 г.), а с 2000 – сопредседатель российско-американской Дартмутской конференции.

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. Ломоносова и профессор Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В Институте востоковедения РАН работает с 1970 г., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований. В 1976 г. окончил Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской, в 1980 г. защитил кандидатскую, а в 1999 г. докторскую диссертации. Сферы научных интересов: социально-экономического развитие нефтяных монархий Аравии, модернизация стран Востока, Ближний Восток в цивилизационном измерении, история России в XIX и XX веках. Автор около ста научных статей и 29 книг. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ВА'ЭЗ Нафисе – доцент Факультета политологии Исламского открытого университета (Азад), отделение Шахреза (Исфахан, Иран). E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

ABOUT AUTHORS

DRUGOV Aleksei Yurievich – Doctor in Politology, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS. He graduated from the Oriental Department of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs in 1960. He worked in Indonesia as a military translator at the Training center for Indonesian submariners (1961–1962) and in the Soviet military mission (1962–1964). Upon returning to Moscow, he taught at the Military Institute of Foreign Languages (1964–1965); From 1966 to 1991 he worked in the International Department of the Central Committee of the CPSU (from junior assistant to deputy head of the sector), and since 1991 he work in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. In 1972, he defended his doctoral dissertation in history titled “Political Development of Indonesia in 1965–1971,” and in 1999, his doctoral dissertation in political science, “Political Culture and Political Process in Independent Indonesia (1945–1998)”. The author of about two hundred papers, including 7 books. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

KOSACH Grigory Grigoryevich – Doctor in History, Professor, Faculty of World Politics, Moscow State University. He specializes in studying political processes in the Arab world, Russian politics in the Middle East, and socio-political development of Saudi Arabia. The author of more than 150 scientific works, including the monographs: “The Red Flag Over the Middle East?” (2001); “Communists from the Middle East in the USSR, 1920–1930s”(2009); “Foreign Policy of Saudi Arabia: Priorities, directions, decision-making process ”(Moscow, 2003; co-authored with Elena S. Melkumyan); “Saudi Arabia: Political Processes 1990–2000” (2013); “Russian-Saudi relations: a political aspect, 1990–2015” (2016). E-mail: g.kosach@mail.ru

SARABIEV Aleksei Viktorovich – PhD, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. He graduated from the Faculty of Natural Sciences of the Yaroslavl State Pedagogical University (1996) and then the Faculty of History and Philology of the Orthodox St. Tikhon Theology Institute (Moscow, 2003).

At the post-graduate school at the Institute of Oriental Studies of RAS, he defended his PhD in History. He is a member of the Russian Geographical Society; member of the Council of the Moscow branch of Imperial Orthodox Palestinian Society; expert of the Valdai Discussion Club. Author of a several dozens of papers on the history and socio-political issues of Lebanon and Syria, as well as number of chapters in collective monographs. The Head of the interdivisional research laboratory "Religion and Society in the East" at IOS RAS and the Editor-in-Chief of the periodical with the same title. Author of books: "At Home, Abroad. Migration of the Christians of Syria and Lebanon (second half of the XIX – the first half of the XX century)" (2012); "Maronites: Traditions, History, Politics" (2013; co-authored with Mikhail A. Rodionov. In 2019, published in Lebanon in English); "Christians of the Middle East: Yesterday, Today... Tomorrow?" (2017). E-mail: alsaraby@ivran.ru.

SLEDZEVSKY Igor Vasilievich – Doctor in History, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute of Africa, RAS. In 1963 he graduated from the Faculty of History of Moscow State University. In 1967 he defended his doctoral dissertation "Modern Hausa of Northern Nigeria" at the Institute of Africa, Academy of Sciences of the USSR, in 1990 he defended his doctoral dissertation "Sociohistorical Structures of West Africa. Relations between local social organisms and the historical environment" at the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR. Since 1967 he has been working at the Institute of Africa, specializing in the social history of Africa, ethnosociology and the theory of civilizations. Fellow of the Leningrad State University. E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

STEWART Philip – PhD, Senior Associate at the Kettering Foundation, Board Secretary at the Sustained Dialogue Institute, and Professor Emeritus at The Ohio State University. Since 2012 he is an Advisor to the Director of the Citizens' Accord Forum in Israel. Executive Director (since 1972), and since 2000 – Co-Moderator of the Dartmouth Conference.

VAEZ Nafiseh – Associate Professor, Department of Political Science, Shahreza Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

YAKOVLEV Alexander Ivanovich – Doctor in History, Professor, Department of Regional Problems of World Politics, Faculty of World Politics of the Moscow State University and professor at the Faculty of History of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Since 1970, he has been working at the Institute of Oriental Studies of RAS – a Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies. In 1976 he graduated from the Moscow Regional Pedagogical Institute, in 1980 he defended his PhD, and in 1999 a doctoral dissertation. Field of research interests: socio-economic development of the oil monarchies of Arabia, modernization of the East, the Middle East in the civilizational dimension, the history of Russia in the XIX and XX centuries. Author of about one hundred papers and 29 books. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ABSTRACTS

Alexander I. YAKOVLEV. The Crisis in Relations Between the Patriarchates of Constantinople and Moscow in the Context of World Politics of the XX–XXI centuries

The author analyses the main confessional and political aspects of the conflict between the two Patriarchates—of Constantinople and Moscow, which escalated in 2018–2019 in connection with the provision by Constantinople of autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. Attention is drawn to the increase in the religious (civilizational) factor in world politics and its use in modern international relations. The historical prerequisites of this conflict are named, such as the problem of Church autocephaly and the formation of national Churches, a change in world order at the beginning and at the end of the 20th century. Particular attention is paid to the claims of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world, its persistent attempts to affirm their supremacy in relation to all other ancient and new Churches. A significant role in such a policy was played by the personalities of the heads of the Patriarchate of Constantinople in the 20th century. The sources of conflicts are shown between Constantinople and Moscow, in particular on the Ukrainian issue, and the attempts of both sides in the second half of the 20th century to improvement of relations. Attention is drawn to the relationship of the Cretan Council of several Orthodox Churches in 2016 and the subsequent decision of Constantinople on the autocephaly of the Ukrainian Church. The author reveals the sense of using religious issues by the UK and the USA in their policies of containing and weakening Russia. Thus, the crisis in relations between the two parts of the Oecumenical Church has not only a purely church (ecclesiological) significance, but has also become part of the process of transformation of the world system of international relations in the 21st century.

Keywords: religion, Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Patriarchate of Constantinople, Ukrainian Orthodox Church, autocephaly, national Church, Cretan Council, schism.

Aleksei V. SARABIEV. Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs: 120 years ago

Several years before and after the onset of the 20th century became the “golden time” in the history of our country's foreign policy regarding Russian influence on church affairs in the Middle East. The author highlights the key points that make it possible to characterize that period in this way. Some obvious successes of foreign religious policy were manifested,

in particular, in the sphere of lobbying the candidatures of Church hierarchs on the Orthodox throne of Antioch and even on Constantinople. An important milestone in the religious policy of the Russian Empire abroad was the success of the election in the spring of 1899 to the Antiochian patriarchal throne of the first Arab patriarch Meletius II Dumani. Soon the “russophile” party won the elections of the Patriarch of Constantinople, when in May 1901 Joachim III, famous for his alleged pro-Russian views, ascended the throne. Many years of ostracism followed towards the Antiochian Arab hierarchy (slowly strengthening) from the side of Greek hierarchies of the Patriarchates of Constantinople, Jerusalem and Alexandria. At the same time, the educational activity of the IOPS remained in the foreground of Russian influence, which would weaken only by the beginning of the First World War. The lack of church cadres for the Arab hierarchy of bishopric chairs of the Antioch Church and Russia’s participation in their preparation, the painful issue of confessional transitions in different regions, the connection of church affairs with international political competition in the Middle East, are considered by the author on the basis of archival documents. Russian diplomats closely monitored inter-confessional relations in the region, especially issues associated with the Orthodox community, apparently considering it to be partly their area of responsibility. This was due, among other things, to the rivalry of foreign missions “for souls” in the Middle East territories. The ups and downs of inter-religious relations and the distinct confessional protectionism of French, British, Italian, German and other Western diplomats are also reflected in the reports of the Russian consuls, who worthily defended the interests of the Russian Empire in the Middle East in the last years of the 19th and early 20th centuries. The turning to the topic of foreign religious politics in the historical dimension provides rich material for the analysis of both the positive consequences of such an influence and political miscalculations along this path. It also sheds light on many contemporary issues of inter-church interaction.

Keywords: foreign religious policy, external influence, church hierarchy, interfaith relations, Arab Christians, Orthodox Church, Middle East, Russian Empire, Ottoman Empire.

Grigory G. KOSACH. Russia’ “Islamic” Diplomacy: Organization of Islamic Cooperation

The article discusses one of the modern Russian foreign policy trends – the emerged in the early 2000s clear line to establish and develop

relations with the Organization of Islamic Cooperation – the OIC (originally the Organization of the Islamic Conference). OIC unite Muslim countries of the world. As for the reasons that aroused Moscow's interest in interacting with this organization, the author underlines the intensifying Russian contacts with the Arab states of the Gulf zone, primarily with Saudi Arabia. This interest was determined, on the one hand, by economic considerations, and on the other, by the situation in the “Muslim” regions of the Russian Federation (in particular, in the North Caucasus). The development of religious activism and the reality of military operations on the territory of Chechnya the second half of the 1990s predetermined Moscow's view of the OIC as an instrument to mitigate the internal “Muslim” challenge. At the same time, the possibility of establishing relations with the OIC (created and financially supported by Saudi Arabia) required the development of relations between Moscow and Riyadh. The evolution of these relations, characterized by the author as “conflict interaction”, determined the Russian course towards the OIC throughout the time of the beginning of the XXI century. The Saudi factor, as it is assessed in Moscow, became decisive for Russian “Islamic” diplomacy even after Russia officially joined (2005) the OIC as an observer country. Fluctuations in relations with Riyadh also determined the Russian approaches to relations with the OIC, which varied between the freezing of ties and the pragmatism in relations with this organization after 2017 after King Salman bin Abdel Aziz' visit to the Russian capital.

Keywords: Organization of Islamic Cooperation, Russia, Saudi Arabia, Russian-Saudi Political Interaction, Russia' Economic Ties with the countries of Islamic World, Russian Moslem Community, Chechen Republic, Tatarstan.

Igor V. Sledzevski. The Struggle for True Faith: Religious Revolution in Black Africa

The main issue of the article is the role of the world's largest religions – Christianity and Islam in the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa in the XX – early XXI c. The author poses the problem of revolutionary changes and new opportunities of cultural self-determination of Tropical Africa, which open to modern generations of Africans in the context of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival. It includes the phenomenon of world religious revival, his connection with globalization processes, formation of the multi-polar, poly-cultural world. The subject of the research

is the role of Christianity and Islam in the self-determination of the Black Africa people at the present stage of the world religious revival, the rise of religious nationalism, the denial of westernization of non-Western societies as a universal and purely secular model of social modernization. The purpose of the study is to discuss the issue of new opportunities for religious self-determination in Black Africa, which pave to its population the way of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival (Islamic fundamentalism, “southern Christianity”) that appear as anti-secular, anti-Western movements. The main factors and processes of filling the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa with religious content are considered: the trends of de-secularization of the world community; the evolution of the principles and values of African syncretic religions in the direction of universal dogmas of world religions; the processes of religious mobilization of social groups and segments of the African population; the strengthening of the role of the religious component in the cultural identity of Africans. It is concluded that in the civilizational development of the region there is a religious and cultural turn.

Keywords: Islam and Christianity, modern post-secular world, changes in the confessional structure of the population of Tropical Africa, cultural and religious self-determination of the peoples of Tropical Africa, African religious syncretism and its evolution, religious revolution religious mobilization, Afro-Christian and Islamic-African identity.

Philip STEWART. Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society in Sustainable Democracy

The article discusses the opportunities and challenges faced by one of efforts for deepening democratic path in Israel, the Citizens Accord Forum (CAF) founded in 2002. The author has been an informal partner and advisor to the CAF director for the past eight years. The Forum conducts a range of projects, including an Arab-Jewish newspaper, a multi-ethnic youth center, work with the Knesset, the only large-scale public meeting regularly attended by prominent Jews and Arabs, known as the Jaffa Convention, as well as dozens of on-going groups of Arabs and Jews using deliberative dialogue to address or manage practical problems in their communities. The more precise formulation of CAF’s objectives is a shared society in a sustainable democracy. CAF understands democracy as a system of governance in which power comes from the ability of citizens to decide and act on shared concerns – beginning in

their communities – and thus work to shape their common future, both through what they do with other citizens and through their institutions. The shared society and the sustainable democracy, are interdependent elements.

Keywords: deliberative civil dialogue, civil values, religious freedom, equality and liberty, shared society, sustainable democracy, Citizens Accord Forum, Israel.

Nafiseh VAEZ. The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and on Its Relations with Renewed Iraq

In focus of the article is the effect of Iranian Shiite pilgrimage trips to Iraq on Iran's regional politics, as well as on Iran's relationship with a renewed Iraq. The author uses elements of a descriptive-analytical method, as well as a synthesis of the theory of Flemish leadership criteria, the theory of a functional imperative for Mitrani's collaboration, and the constructivist theory of the impact of social norms on the political behavior of actors. The research hypothesis is that, due to the influence of Shiite identity on Iran's policies by a significant part of the region's population, pilgrimage trips created an imperative for cooperation between the two countries: strengthening Iran-Iraq relations, they will create the prerequisites for the implementation of the policy of Islamic unification in the Middle East based on the experience of deep interactions with Iraq. This experience indicates that the most important functions of pilgrimage trips for the regional policy of Iran and Iran-Iraq relations are as follows: creating a basis for Islamic convergence, rethinking the concept of "Islamic identity" and using the cosmopolitan function of spiritual travel, turning the borders of war into the borders of the world, and Iran's failure from the revival of previous political differences and reliance on soft power politics in a renewed Iraq, the influence of pilgrim spirituality on the spread of the idea of non-violence and is tired the emergence of peace in the region, participation in the reconstruction of Iraq with an emphasis on the reconstruction of the tombs of Shiite imams in Baghdad, Najaf and Karbala. Iran's policy towards Iraq is formalized using constructivist analysis based on the priority of the rule over interests.

Keywords: pilgrimage, religious tourism, regional politics, political power, Iran, Iraq, Shiite culture.

Aleksei Yu. DRUGOV. Moslem Radicalism and Terrorism in Indonesia Today

Based mainly upon materials from Indonesian press and by Indonesian authors, the paper shows that religious radicalism and terrorism as its extreme form are resulting mostly from social and economic factors. The main are social inequality and disparity in the development of regions. The external factor plays their role too. The Islamic extremism is generated among other reasons by the threat of unipolar world policy pursued by the USA. The article deals also with steps taken by the present Indonesian government, both political and by force to meet the threat of radicalism and terrorism. The main author's conclusion is that the way to overcome radicalism and terrorism lays in overcoming its roots. The government of President Joko Widodo is taking certain steps considering that in Indonesia disparities of social and economic development often coincide with geographic factors, while confessional differences are overlapping them. The government is developing the infrastructure to provide progress of most remote regions. Several programs are aimed at rising education level, wellbeing and health facilities for poorest Indonesians. The government warns against connecting terrorism with Islam religion which is inseparable part of the world civilization. Indonesia itself especially under President Abdurrahman Wahid who was distinguished Moslem leader (1999-2001) proved that Islam and democratic reforms do not confront each other.

Keywords: Islam, religion, radicalism, terrorism, social roots, inequality, contradictions, intolerance, democracy.

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey

Publication of the archival document; foreword and comments by Aleksei V. SARABIEV.

As the core of this paper is presented the publication of one small secret intelligence report from Istanbul (September 1920). The document contains a meeting description accompanied by the transmission of the conversation between the US military representative and the head of the Ottoman government (Grand Visir) in Istanbul during the difficult period for Asia Minor—with both duarchy and large-scale foreign intervention. The structure of the paper includes a detailed commentary on the published archival document with a brief author's introduction. The commentary gives an outline and some details of the historical background of the events of that time, in which Russia, also torn apart by the civil

war and intervention, was indirectly involved. The growing influence of the United States in military-political conflicts in the regions of the Black and Mediterranean Seas is emphasized. The main focus of the comments is done on the religious argument in proving the military activity and political competition of the world powers in Asia Minor. The religious and confessional aspect of social instability is also highlighted as significant, although it was subordinated mainly to the phenomena that act as the leading factors of civil confrontation in the Asia Minor territories of the former Ottoman Empire—the national-political, economic (struggle for concessions), as well as the Ottoman wars with so-called Christian powers and the ensuing direct military intervention.

Keywords: interventions, religious factor, interfaith clashes, Entente, Ottoman Empire, Turkish Republic, USA, Russia, Crimea, Treaty of Sevres, Pyotr N. Wrangel, Damad Ferid Pasha.

IN THE PAST ISSUES

TO READERS, or Endless Talk about the Study of the East, by *Aleksei V. Sarabiev*

To the fundamentals of the methodology for studying traditional communities of the East (extended transcript of the round table, IOS RAS, December 18, 2017)

Leonid B. Alaev. Was there a community? (Interview)

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith relations in the light of deprivation theory versions

Leonid I. Medvedko. Three circles of Russian Eurasianism in the dichotomy of the East–West

Veniamin V. Popov. Eurasian essence of the Russian civilization

Mahdi Salihi, Mohammad Masjed-Jame'i, Ahmad Mokri. Islamic-Christian dialogue in modern Iran: a problematic analysis

Ildar Kh. Minyazhetdinov. Politics of the Vatican in the modern Islamic world: on the issue of the strategy of ecumenization of traditional Islam

Sergey L. Kuzmin. Buddhism and socialism: a comparative analysis of interactions in the USSR, TNR, Mongolia and the PRC

Elena S. Lepekhova. The religious aspect of the legitimization of the status of women empresses in the Far East (Wu Hou and Koken)

Lebanese society through the eyes of the Maronite Patriarch Boulos Meoushi: two reports of Swiss ambassadors to Beirut Preparation, translation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

For references: *Religion and Society in the East*, 2019, Vol. III (Ed.-in-Chief Aleksei V. Sarabiev; Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow), 374 p. ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5.

Issue II (2018)

TO READERS, or the Historicity of Actual Problems and the Relevance of Historical Retrospection, by *Aleksei V. Sarabiev*

Alexander V. Demchenko. Clans in Gaza Strip Politics

Grigory G. Kosach, Elena S. Melkumyan. Gulf Arab Countries: Field of Confrontation with Terror

Ildar Kh. Minyazhetdinov. "Atypical" terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on an example of the terrorist attack in Khan Bani Saad)

Natalia A. Berenkova. Shiite Transnational Movements Features in the Middle Eastern Arab Countries

Aida A. Simoniya. The Issue of Ethno-Confessional Relations in Burmese Society

Vera D. Karateyeva. Chinese Catholics between the Vatican and the Communist Party: A Split Church in the Realm of Unanimity

Ekaterina A. Zavidovskaia. Temple festival in Taiwan: procession devoted to worship of Green mountain ruler Qingshan Wang held in a Taipei temple

Sergius L. Kuzmin. Mechanisms of Elimination of Monarchies in the States of Inner Asia in the First Half of the 20th Century

The Files about the "Unification" of the Churches, 1911-1912: Antioch Trajectory. Composition, preparation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

Issue I (2017)

TO READERS (Preface, by *Aleksei V. SARABIEV*)

Grigory G. Kosach. Saudi Arabia: “Religious State” or “State’s Religion”?

Elena V. Dunaeva. Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity

Evgenia S. Yurlova. India. Castes in Politics

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith Relation Issues in Syria

Maria A. Pakhomova. Society, Religious Politics and Islam in China

Vladimir V. Orlov. “Big” and “Small” Moroccan Islam Tradition: Problems of Distinction and Socio-Cultural Context

Abdullah Al-Ahmar (Syria). Religious Issues Through the Prism of the Ideology of Arab Socialist Ba’ath Party

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

Выпуск III (2019)

К читателям, или Нескончаемый разговор об изучении Востока (*Сарабьев А.В.*)

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ

К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.)

Алаев Л.Б. А была ли община? (Интервью)

Сарабьев А.В. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории

ВОСТОК – ЗАПАД

Медведко Л.И. Три круга русского евразийства в дихотомии Востока-Запада

Попов В.В. Евразийская сущность Российской цивилизации

НИТЬ СОБЫТИЙ – КАНВА ИДЕЙ

Салехи М., Масджед-Джаме'и М., Мокри А. Исламо-христианский диалог в современном Иране: проблемный анализ

Миняжетдинов И.Х. Политика Ватикана в современном исламском мире: к вопросу о стратегии экуменизации традиционного ислама

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Буддизм и социализм: сравнительный анализ взаимодействий в СССР, ТНР, МНР и КНР

Лепехова Е.С. Религиозный аспект легитимации статуса женщин-императриц на Дальнем Востоке (на примере императриц У-хоу и Кокэн)

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса II Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте (Подготовка, перевод, комментарии – *Сарабьев А.В.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2019, Вып. III (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2019. – 374 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5)

Выпуск II (2018)

К читателям, или Историчность актуальных проблем и актуальность исторической ретроспекции (*Сарабьев А.В.*)

нить событий — канва идей

Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны Залива: поле конфронтации с террором

Миняжетдинов И.Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад)

Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока

Симония А.А. К вопросу об этноконфессиональных отношениях в бирманском обществе

Каратеева В.Д. Китайские католики между Ватиканом и коммунистической партией: расколота церковь в царстве единодушия

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX века

Крупным планом

Завидовская Е.А. Храмовый праздник на Тайване: процессия по случаю дня рождения Правителя Зеленой горы Циншань-вана в г. Тайбэй

EX PRINCÍPIIS / из источников

Дело об «объединении» Церквей, 1911–1912. Антиохийская траектория. (Составление, подготовка к публикации и комментарии – *А.В. Сарабьев*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2018, Вып. II (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2018. – 335 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-759-1)

Выпуск I (2017)

К читателям (*Сарабьев А.В.*)

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»

Дунаева Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности

Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике

Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии

Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Орлов В.В. «Большая» и «малая» традиции в марокканском исламе: проблемы разграничения и социокультурного контекста

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения = Аль-кадайя ад-динийя мин манзар фикр Хизб аль-баас аль-араби аль-иштираки (*на араб. яз.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2017, Вып. I (Отв. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2017. – 290 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-719-5)

Первые результаты работы созданной в Институте востоковедения РАН в ноябре 2015 г. межотдельской научной лаборатории «Религия и общество на Востоке» составили отдельный одноименный тематический выпуск периодического издания **«Восточная аналитика», 2015, Вып. 3:**

Яковлев А.И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации

Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане

Бектимирова Н.Н. Буддийский ренессанс в Камбодже: тенденции и перспективы

Симоня А.А. Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой

(Выпуск содержал расширенные абстракты и переводы некоторых статей на англ. яз.)

Для цитирования: *Восточная Аналитика*, 2015, Вып. 3: Религия и общество на Востоке / отв. ред. выпуска А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 84 с. – (ISSN 2227-5568; ISBN 978-5-89282-689-1).